

Смертность населения Республики Коми: исторический подход

В. В. Фаузер

ИСЭ и ЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
fauzer.viktor@yandex.ru

Аннотация

Автор рассматривает отношение общества и гражданских институтов к смерти; отмечает, что на протяжении веков отношение населения к смерти менялось – от принятия ее как «вещи» неизбежной, до понимания утраты близкого человека, ресурса труда общества. По мере развития общества, прогресса в медицине и фармацевтике происходила трансформация причин смерти – причины природно-исторического характера уступили место «причинам цивилизации», что нашло отражение в половозрастной смертности. До середины XX в. большой урон смерти наносили женскому населению и детям, зато современный период характеризуется повышенной смертностью мужского населения и в первую очередь в трудоспособных возрастах. Прогресс в медицине и здравоохранении, улучшение отношения населения к своему здоровью и развитие спорта позволили сместить смертность в старшие возраста.

Ключевые слова:

Республика Коми, коэффициенты смертности, причины смерти, ожидаемая продолжительность жизни

Введение

К смерти, как социально-экономическому явлению, как факту неизбежному, биологически определенному, общество и отдельно взятый человек относились на протяжении истории по-разному, по-разному она воспринималась каждым народом, в силу своего понимания окружающего мира и что такое жизнь, и что человека ждет в конце жизненного пути, смерть/небытие или смена формы своего бытия и жизнь в другом мире. На эту тему есть достаточное количество литературы, об этом можно долго и много рассуждать.

Изучая динамику смертности населения Республики Коми, необходимо учитывать ее специфические особенности, характерные для северных регионов России. К их числу можно отнести: образ жизни, отраслевую структуру производства, этнический состав и расселение населения, ряд других факторов [1].

Смертность до XX в. достаточно подробно рассмотрена в работах ученых-историков. Они выделили такие факторы смертности, как хроническое голодание, анти-

Mortality of the population of the Komi Republic: a historical approach

V. V. Fauzer

Inst. of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
fauzer.viktor@yandex.ru

Abstract

The attitude of society and civil institutions to death is considered; it is noted that over the centuries the attitude of the population to death has changed – from accepting it as a «thing» inevitable, to understanding the loss of a loved one, a resource of society's labor. With the development of society, progress in medicine and pharmaceuticals, the causes of death were transformed – causes of natural-historical nature gave way to «causes of civilization», which was reflected in age and gender mortality rate. Until the mid-XX century, deaths caused greater damage to female population and children, but the modern period is characterized by increased mortality of the male population, primarily in the working age. Progress in medicine and healthcare, improving the attitude of the population to their health and the development of sports have made it possible to shift mortality rate to older ages.

Keywords:

Komi Republic, mortality rates, causes of death, life expectancy

санитарное состояние жилищ, тяжелые материальные условия, отсутствие правильных санитарно-гигиенических представлений [2, с. 75-79; 3]. Рассмотрено влияние природного и климатического факторов на урожаи, поскольку неизбежным следствием периодических неурожаев было голодание [4].

По смертности населения Республики Коми в XX в. написано достаточное количество монографических работ, их полный перечень до 2018 г. нашел отражение в опубликованных статьях [5-7]. Отдельные аспекты смертности и продолжительности жизни рассмотрены в работах [8-14].

Отношение к смерти в разные исторические периоды. Смерть, как и жизнь, – естественное явление, и в этом смысле человек ничем не отличается от животного. Человек не бессмертен. Он рождается с определенным запасом прочности, но в конечном счете его смерть неизбежна, биологически запрограммирована. Эндогенные (внутренние) процессы, ведущие к «естественной» смерти орга-

низма, находятся под контролем генетической программы, обусловленные ими витальные исходы упорядочены. Возраст, к которому жизнеспособность различных людей исчерпывается даже в самых благоприятных условиях, колеблется вокруг некоторой величины – биологической, или видовой, продолжительности жизни. «Некоторое количество эндогенно детерминированных смертей, обусловленных не старением, а какими-либо другими причинами (наследственными болезнями, врожденными пороками и т. п.), наступает в молодых, часто в ранних детских возрастах. Тем не менее вероятность смерти нарастает с возрастом и зависит от него очень сильно» [15, с. 58, 65].

Обычно смерть ассоциируется со старостью и желанием человека дожить до 70–100 лет. Разнообразие суждений о старости впечатляет: от мрачного откровения отца протестантизма Мартина Лютера: «Старость – это живая могила», – до своеобразной иронии французского писателя нашего времени Андре Моруа: «Старость – дурная привычка, для которой у активных людей нет времени» [16, с. 3].

«Все умирать будем», – написал крылатую фразу французский историк Филипп Арьес. В своем фундаментальном труде «Человек перед лицом смерти» он отмечал, что идея бессмертной души – обиталища индивидуальности, уже долгое время культивировавшаяся в церковной среде, распространяется с XI по XVII в. все шире, овладевая в конечном счете почти всеми умами и сердцами. Эта новая эсхатология привела к тому, что слова «смерть», «умер» заменяются другими: «отдал Богу душу», «Бог его душу взял». В XVII–XVIII вв. были люди, которые верили и знали о скорой смерти и готовились к ней, но стали появляться и те, кто не хотел знать о своей смерти и держались за свою жизнь. Если верить Лафонтену, особенно много их было среди стариков: «Больше всех похожий на мертвеца больше всех не хочет умирать». Общество XVII в. было к этим старикам (50-летним!) безжалостно и жестоко насмехалось над их привязанностью к жизни, столь понятной нам: «Смерть была права. Идем, старик, не возражай» [17, с. 37, 41, 499–500].

Когда прусский государственный деятель Отто фон Бисмарк внедрил первый национальный план социального обеспечения пожилых людей, он хотел «приручить» рабочий класс, предложив ему нечто, к чему можно стремиться. Бисмарк ввел одно из величайших новшеств конца XIX в., которое наряду с телефоном, двигателем внутреннего сгорания и искусственным волокном кардинально изменило современность. Пенсионные программы наряду с системой всеобщего образования – еще одним нововведением XIX в. – привели к разделению жизни человека на три четких периода: **учеба, работа и заслуженный отдых**. В этой парадигме не оставалось места для личного выбора: правительство указывало, чем человек должен заниматься в зависимости от возраста, а социальные нормы закрепляли строгий распорядок жизни.

В то же время важно отметить, что на заре человечества, примерно 300 тыс. лет назад, отношение к старикам было более гуманным. Неандертальцы могли годами ухаживать за больными стариками, хотя они были явной

обузой. А дело заключалось в том, что «пожилые люди были бесценными хранителями жизненного опыта. Когда большинство людей доживали лишь до 30–35 лет, редкие носители житейской мудрости были на вес золота. Завота о беспомощных родственниках – такая человеческая черта!». Наконец, «люди стали по-особенному относиться к умершим родственникам. До этих пор они просто оставляли тело усопшего на том месте, где его настигла смерть. Но люди испанской Атапуэрки начали поступать иначе. Когда кто-то умирал, его останки несли за полкилометра и бросали в естественный колодец Сима до лос Уэсос» [18, с. 38, 75].

Во все времена ученые-мыслители рассуждали о продолжительности человеческой жизни. Согласно суждениям древних китайских мудрецов, царя Соломона, греческого историка Геродота, древнеиндийских создателей системы Упанишад, представителям человеческого рода отводилось 70–80 лет. В Средневековье и эпоху Возрождения представления о длительности человеческой жизни были весьма пессимистичны. Считалось, что старость у женщин наступает к 30 годам, у мужчин – к 50, а 60 лет – предел человеческой жизни.

Суждения ученых конца XIX–начала XX в. были более оптимистичными. Они определяли этот срок в 100–120 лет (И. Р. Тарханов, Ю.-П. Майер). Советский физиолог А. А. Богомолец пошел еще дальше, утверждая, что нормальное долголетие – 125–150 лет, но и это еще не предел.

Сроки наступления смерти для членов сообщества зависят от множества условий, и в первую очередь – от уровня развития цивилизации. Так, в первобытном обществе человек жил в среднем 20 лет, и основная часть его членов умирала в младенчестве, в крестьянском обществе средняя продолжительность жизни составила 30–35 лет, а до возраста совершеннолетия доживала только половина рожденных детей. В эпоху промышленного развития средние сроки жизни продлились до 60–70 лет при резком снижении доли смертей в молодых трудоспособных возрастах. Таким образом, снижение смертности достигалось, главным образом, путем преодоления преждевременной младенческой, детской и ранней смертности.

И сегодня проблема долголетия волнует ученых. На страницах «Московского комсомольца» биологи Денис Ребриков, Алексей Москалёв и футуролог Евгений Кузнецов обсудили, каким будет человек к 2065 г. Дискуссия состоялась на форуме биотехнологий в наукограде Кольцово. Темы, заданные модератором встречи Ольгой Ерёминой, касались рождения, среды обитания, питания людей будущего, а также продолжительности жизни, ментального состояния и смерти. Ученые пришли к выводу, что человек будет жить 120 лет и более, основными болезнями станут психические заболевания и онкология.

Еще одну интересную проблему затронули участники форума – как будут умирать люди будущего. Д. Ребриков считает, «что жить мы будем долго, может быть, вечно, за исключением тех, кто не захочет продолжать это дело по прошествии многих сотен лет. Такие люди смогут прибегнуть к эвтаназии». Е. Кузнецов отметил, что «это очень сложный вопрос. Вероятней всего умирать люди будут

естественным образом, только не от болезней, а из-за изрядного износа организма. Эвтаназия, конечно, должна быть декриминализована, но я против принудительного освобождения места для молодых, против возврата к архаичным практикам, когда стариков отводили умирать на скалы. Сейчас, к сожалению, многое к этому идет, но это негативный тренд. Человек должен жить до полного исчерпания своего потенциала, а потом переходить к созданию управляемого цифрового следа и уходить с ощущением, что успел сделать в этой жизни все». А. Москалёв отметил, «хотелось бы, чтобы в будущем за счет регулярного "техобслуживания" и замены органов человек мог жить максимально долго и уходить из жизни только по собственному желанию, прекратив то самое плановое "техобслуживание"» [19, с. 13].

Материалы и методы

Если падение рождаемости объяснить может практически каждый образованный человек, поскольку «процесс зачатия детей всем отлично известен, прост и исключительно популярен» [20, с. 29], то со смертностью все намного сложнее. Все люди смертны, но смерть может быть естественной, когда отведенный человеку ресурс истрачен, преждевременной, вызванной рядом внешних факторов (эпидемии, войны, убийства и самоубийства и т. д.). Точное установление причины смерти – важная задача не только для медиков, и нужна она не столько им, сколько органам статистики и чиновникам, принимающим решение о снижении смертности в разных ее проявлениях и как развивать здравоохранение, чему отдавать приоритеты.

Согласно «Руководству по кодированию причин смерти», основополагающими принципами, удостоверяющими причины смерти, являются статистическая разработка причин смерти по одной причине. И этой «единственной причиной является первоначальная причина смерти. Она определена как а) "болезнь или травма, вызвавшая цепь болезненных процессов, непосредственно приведших к смерти", или б) "обстоятельства несчастного случая или акта насилия, которые вызвали смертельную травму". В нашей стране принято определение первоначальной причины смерти, рекомендованное ВОЗ, вместе с тем, при травмах и отравлениях мы определяем две причины: по характеру и по внешней причине» [21, с. 70].

С точки зрения демографического анализа смертности, главным или основным является деление факторов (причин), ее обуславливающих, на две группы:

1) эндогенные – это факторы, порождаемые внутренним развитием человеческого организма. Сюда относятся болезни системы кровообращения, врожденные пороки, наследственные болезни и старость, о которой писали выше.

2) экзогенные – это факторы, порожденные влиянием внешней среды (от греч. *exo* – вне, снаружи, и *genes* – рождающий, рожденный) – экономической, социальной, семейной, экологической обстановкой, уровнем развития гигиены и здравоохранения, личным образом жизни, вызывающие преждевременную смертность. К экзогенным

причинам смерти относят несчастные случаи, травмы и отравления, инфекционные и паразитарные болезни, острые заболевания органов дыхания и пищеварения и некоторые др. Эти факторы не зависят от возраста населения, поэтому они не упорядочены и не прогнозируемы [22, с. 150].

Динамика смертности: общие и специальные показатели. Ввиду ограниченности объема статьи рассмотрим наиболее общие показатели, характеризующие смертность населения. *Абсолютные числа умерших* дают общее представление о смертности. Многие исследователи, противники этого показателя, утверждают, что с ростом численности населения растет и абсолютное число умерших, что между этими двумя показателями тесная связь и поэтому их использование не совсем информативно. Однако это не всегда так, бывают периоды увеличения числа смертей, вызванных эпидемиями, войнами, репрессиями, социально-экономическими катаклизмами и т. д. Кроме того, абсолютные данные позволяют оценить масштабы человеческих потерь, возрастную структуру смертей и ряд других относительных показателей, построенных на их основе.

Анализируя абсолютные числа умерших в республике за XX–XXI вв., обращают на себя внимание ряд годов, когда абсолютное число смертей резко увеличивалось и выбивалось из монотонного протекания процесса смертности. Первый всплеск числа смертей был отмечен в 1933 г. как реакция населения на голод 1932–1933 гг. – 10 523 смерти, из них, по данным Коми облисполкома, спецпереселенцы составили – 3095 чел. (29,4 %). По разным оценкам, из-за голода страна имела избыточную смертность более 2,5 млн чел. В республике она составила примерно 4,2 тыс. чел.

Второй период повышенной смертности в республике был отмечен с 1940 по 1944 г., а пик смертей пришелся на 1942 г., когда умерло 16 211 чел. Объяснить данное явление можно рядом факторов. Во-первых, с 30 ноября 1939 г. по 13 марта 1940 г. велась война между СССР и Финляндией; во-вторых, с 22 июня 1941 по 9 мая 1945 г. прошла ВОВ; в-третьих, с 1940 г. стали регистрировать и учитывать в статистике умерших заключенных ГУЛАГа. А для республики это существенный фактор, здесь следует пояснить, что доля спецконтингента, включая заключенных в структуре населения, колебалась от 35 до 48 % [23, с. 159], что не могло не отразиться на числе умерших. Повышенной смертностью также выделяются 1927 г. – 7215 смертей, 1936 г. – 8959 и 1947 г. – 8539 смертей. В целом можно отметить, что концентрация числа смертей в отдельные годы / периоды связана с индустриализацией, коллективизацией, политическими репрессиями и т. д.

С 1947 по 1958 г. шло постоянное снижение числа умерших: с 8539 до 4982 чел. В последующие годы началось его «монотонное» повышение, в 1970 г. был превышен шеститысячный рубеж – 6276 чел., в 1975 г. – семитысячный – 7284, в 1977 г. – восьмитысячный – 8129, а в 1980 г. – девятитысячный – 9169 чел. Как видим, время между увеличением на 1000 числа смертей постоянно сокращалось.

Новый рост смертности, свыше 10 тыс. чел. в год, можно связать с тем, что 26 декабря 1991 г. Совет Республик Верховного Совета СССР принял декларацию о прекращении существования СССР, что послужило шоком для населения страны. С 1992 по 2016 г. ежегодное число смертей превышало 10 тыс. чел. Новый пик смертей был отмечен в 1994 г. – 16 074, что всего на 137 чел. меньше, чем было в военном 1942 г. С 2017 по 2019 г. началось плавное снижение смертности, однако свои коррективы внес COVID-19, число умерших в 2020 г. увеличилось до 11 066 чел., в 2021 г. стало еще больше – 13 081. В 2022 г. пандемия пошла на убыль, и число умерших снизилось до 10 426 чел. (табл. 1).

Окончание табл. 1

1955	5617	2120	3497	2007	12 304	8446	3858
1956	5252	2074	3178	2008	12 270	8248	4022
1957	5660	2172	3488	2009	12 182	8260	3922
1958	4982	2203	2779	2010	11 819	7980	3839
1959	5209	2276	2933	2011	11 065	7549	3516
1960	5010	2314	2696	2012	10 830	7492	3338
1961	5076	2348	2728	2013	10 484	7346	3138
1962	5164	2354	2810	2014	10 621	7374	3247
1963	5231	2449	2782	2015	10 644	7511	3133
1964	5264	2529	2735	2016	10 565	7426	3139
1965	5241	2608	2633	2017	9947	6957	2990
1966	5533	2785	2748	2018	9923	6978	2945
1967	5431	2782	2649	2019	9891	7013	2878
1968	5617	2867	2750	2020	11 066	7995	3071
1969	5873	3100	2773	2021	13 081	9559	3522
1970	6276	3171	3105	2022	10 426	7467	2959
1971	6299	3269	3030				

Таблица 1

Динамика числа умерших в Республике Коми, 1920-2022 годы, чел.

Table 1

Dynamics of the number of deaths in the Komi Republic, 1920-2022, people

Год	Число умерших			Год	Число умерших		
	Все население	Городское население	Сельское население		Все население	Городское население	Сельское население
1920	4353	1972	6548	3491	3057
1921	4768	1973	6761	3594	3167
1922	6054	1974	6805	3687	3118
1923	7185	1975	7284	4009	3275
1924	5592	1976	7896	4539	3357
1925	6496	149	6347	1977	8129	4775	3354
1926	4383	156	4227	1978	8423	4985	3438
1927	7215	193	7022	1979	8985	5398	3587
1928	4640	182	4458	1980	9169	5503	3666
1929	5261	235	5026	1981	9103	5553	3550
1930	6574	179	6395	1982	8758	5374	3384
1931	8000	296	7704	1983	9250	5611	3639
1932	6249	385	5864	1984	9486	5863	3623
1933	10 523	832	9691	1985	9334	5795	3539
1934	6349	483	5866	1986	8112	5241	2871
1935	6254	364	5890	1987	8544	5501	3043
1936	8959	495	8464	1988	8930	5942	2988
1937	7929	523	7406	1989	8857	5945	2912
1938	8933	666	8267	1990	9321	6463	2858
1939	7730	862	6868	1991	9665	6634	3031
1940	12 134	1301	10 833	1992	11 426	7844	3582
1941	11 872	2123	9749	1993	14 642	10 140	4502
1942	16 211	3868	12 343	1994	16 074	11 241	4833
1943	11 024	3686	7338	1995	15 057	10 674	4383
1944	9284	2562	6722	1996	13 674	9285	4389
1945	6185	1725	4460	1997	12 244	8254	3990
1946	5636	1762	3874	1998	11 545	7813	3732
1947	8539	2628	5911	1999	12 253	8346	3907
1948	6336	2050	4286	2000	13 594	9503	4091
1949	5644	2078	3566	2001	13 968	9578	4390
1950	6002	2382	3620	2002	15 265	10 300	4965
1951	6474	2521	3953	2003	15 810	10 694	5116
1952	6185	2411	3774	2004	15 210	10 299	4911
1953	5944	2372	3572	2005	15 074	10 220	4854
1954	6029	2310	3719	2006	13 519	9169	4350

Примечание. ... – явление было, но сведения отсутствуют.

Источник: [22, с. 153-154; 24, с. 24-25].

Note. ... – there was a phenomenon, but there is no information.

Source: [22, p. 153-154; 24, p. 24-25].

Важное значение в анализе смертности имеет оценка различий уровня смертности по полу. Это различие характеризует коэффициент мужской сверхсмертности (отношение возрастного коэффициента смертности мужчин к возрастному коэффициенту смертности женщин). Считается, что он наиболее точно отражает половые диспропорции в уровне смертности, рассчитывается по пятилетним возрастным группам. Изучение мужской сверхсмертности помимо научного интереса имеет большое народнохозяйственное значение и важный социальный аспект. Здесь уместно привести цитату основоположника российской демографии XX в. Б. Ц. Урланиса: «Женщины, берегите мужчин, ведь они не менее прекрасная половина рода человеческого <...> Давайте добьемся, чтобы у нас встречались не только прабабушки, но и прадедушки, являющиеся в настоящее время большой редкостью» [25].

Представленные данные с 1980 г. показывают, что во всех возрастах и за все рассмотренные годы, кратные нулю и пяти, наблюдался перевес мужской смертности над женской. Можно выделить ряд особенностей в динамике коэффициентов мужской сверхсмертности. Во-первых, он практически все годы имел тенденцию к росту после 0-4 лет, исключение составили 2015, 2020 и 2022 гг., когда он стал расти с возраста 10-14 лет. Во-вторых, в отдельные годы наблюдались два-три пика мужской сверхсмертности, например, в 1980 г. он отмечен в возрасте 10-14 и 25-29 лет, в 1990 г. – в возрастах 5-9, 15-19 и 35-39 лет. В-третьих, выделяется 2020 г., когда сверхсмертность мальчиков в возрасте 1-4 лет увеличилась вдвое по отношению к возрасту до года. В-четвертых, можно выделить годы и возрастные группы, когда перевес мужской смертности над женской имел максимальное значение: в 1990 г. в возрасте 5-9 лет в шесть раз; в 1980 и 1995 гг. в возрасте 25-29 лет – в 5,1 и 5,0 раз соответственно; в 2020 г. в возрасте 15-19 лет – в 4,5 раза; 2022 г. в возрасте 30-34 – 3,9

раза. В-пятых, наибольшая разница между мужской и женской смертностью в основном наблюдается в возрастах 20-24 и 25-29 лет, от трех раз – каждая в 10 рассматриваемых годах (табл. 2).

Как видим из представленных данных, за редким исключением, по всем годам и возрастным группам имеет место двукратное превышение мужской смертности над женской, т. е. ситуация не улучшается. Вновь процитируем Б. Ц. Урланиса, который еще в 1960-х гг. отмечал, что перевес мужской смертности над женской означает сотни тысяч «осколочных» семей, сотни тысяч женщин, теряющих все блага нормальной семейной жизни. Муж, жена, дети – вот каков должен быть состав семьи. Если же в семье остается мать с детьми, то этим уже резко нарушается нормальное существование всех членов семьи. Только в оперетте вдова может быть веселой. Обычно у вдов нет особых причин веселиться. И уже не так много шансов выйти замуж второй раз и ввести в дом хотя бы отчима... Эта «нехватка» мужчин весьма пагубно отражается на многих областях нашей жизни [25].

Следующим этапом в изучении смертности является *распределение смертей по трем возрастным группам*. Сделать это можно по всему населению с 1930 г., по-городскому и сельскому населению – с 1980 г. Обращают на себя внимание данные с 1930 по 1950 г., когда более половины смертей приходились на возрастную когорту 0-14 лет. Бесспорно, виден прогресс между 1930 г. и 1950 г., когда произошло смещение смертей в старшие возрастные группы. Еще заметнее он отличается в последующие 30 лет, когда примерно 40 % населения умирало в возрасте старше 60 лет, сказались результаты «первой» и «второй» эпидемиологических революций, правда с заметным опозданием от европейских стран.

С 1980 г. имеются полные данные распределения умерших по возрастам в разрезе городского и сельского населения. Как и следовало ожидать, видны «закономерности популяционной смертности, зависимой от возраста». В когорте 0-14 лет она проявилась и у мужчин, и у женщин в городском и сельском населении. Небольшое отклонение произошло в период с 2000 по 2005 г., когда смертность из группы 60 лет и старше сместилась в группу 15-59 лет. Сравнивая распределение умерших у мужчин и женщин, можно отметить следующее: доля мужчин, умирающих в трудоспособном возрасте, примерно в два раза больше, чем у женщин; доля женщин, умирающих за пределами 60 лет, с 2020 г. превысила 80 % как у городского, так и у сельского населения; структура умерших у женского и городского населения более «прогрессивна» по отношению к мужчинам и сельскому населению (табл. 3).

Таблица 2
Динамика показателя мужской сверхсмертности населения Республики Коми, 1980–2022 годы

Table 2
Dynamics of the indicator of male supermortality of the population of the Komi Republic, 1980–2022

Возраст, лет	Год									
	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2015*	2020*	2022
Умершие – все возраста	1,28	1,18	1,22	1,54	1,43	1,57	1,44	1,36	1,29	1,30
Из них в возрасте до 1 года	1,36	...	0,72	1,66	1,20	2,14	1,47	1,10
1 – 4	1,14 ¹⁾	1,37 ¹⁾	1,14	1,81 ¹⁾	1,14	0,71	1,25	0,80	3,00	0,50
5 – 9	1,75	3,00	6,00	1,20	2,00	1,00	2,00	0,50	1,00	0,00
10 – 14	3,50	2,50	3,00	2,00	3,00	2,00	1,50	...	4,00	0,80
15 – 19	2,50	3,25	4,00	3,13	2,88	1,56	2,00	2,00	4,50	1,29
20 – 24	4,00	4,33	3,71	4,17	3,83	3,62	4,71	3,57	3,00	2,50
25 – 29	5,10	3,50	3,30	5,00	3,61	3,38	4,17	4,89	3,13	3,22
30 – 34	3,39	3,50	4,18	3,75	3,62	3,27	3,38	3,29	2,59	3,93
35 – 39	3,77	2,89	4,50	3,88	3,13	3,14	2,64	3,04	2,96	2,59
40 – 44	3,23	3,00	4,00	3,37	4,00	3,29	2,85	3,47	2,56	2,41
45 – 49	2,51	2,88	3,36	2,96	3,46	3,27	3,13	2,72	2,85	3,21
50 – 54	2,48	2,69	2,73	2,79	2,95	2,80	3,32	3,00	3,29	2,61
55 – 59	2,36	2,54	3,10	2,95	2,84	2,93	2,99	3,08	2,64	2,74
60 – 64	2,37	2,20	2,44	2,69	2,74	2,67	3,08	3,13	2,63	3,19
65 – 69	2,05	0,94	1,99	2,36	2,33	2,40	2,50	2,63	2,52	2,57
70 и более	1,40	1,39	1,29	1,37	1,33	1,56	1,44	1,44	1,56	1,35

Примечание. * без учета пересчета от итогов переписи 2021 г.

... – явление было, но сведения отсутствуют.

¹⁾ 0-4 года.

Источник: [22, с. 160].

Note. * excluding recalculation from the results of the 2021 census.

... - the phenomenon occurred, but there is no information

¹⁾ 0-4 years

Source: [22, p. 160].

Заключение

Анализ абсолютного числа умерших показал, что с начала 2000-х гг. шло плавное снижение их числа, однако пандемия COVID-19 вновь спровоцировала рост числа смертей. По-прежнему сохраняется сверхсмертность мужчин, и чем старше возрастные группы, тем большим становится этот разрыв. К числу положительных явлений можно отнести то, что смертность из трудоспособных возрастов переместилась в старшие возраста, причем по всем группам. Можно предположить, что реализация национальных проектов (демография, здоровье, социальные услуги, экология и др.) позволит снизить уровень смертности, повысить число смертей «от старости» и даст новый виток роста ожидаемой продолжительности жизни.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. Подоплелов, В. В. Население Коми АССР / В. В. Подоплелов, В. В. Фаузер, Г. В. Загайнова. – Сыктывкар, 1990. – 20 с. (Сер. препринтов «Науч. докл.»; Вып. 231).
2. Вишнякова, Д. В. Этнодемографические процессы в Коми крае в XIX–начале XX в. / Д. В. Вишнякова; отв. ред. И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар, 2012. – 162 с.

Таблица 3
Распределение умерших в Республике Коми по полу, возрасту и расселению, 1930-2022 годы, %

Table 3
Distribution of the deceased in the Komi Republic by gender, age and settlement, 1930-2022, %

Год	Возраст, лет								
	Все население			Городское население			Сельское население		
	0-14	15-59	60 и старше	0-14	15-59	60 и старше	0-14	15-59	60 и старше
Оба пола									
1930	72,3	13,3	14,4
1950	57,3	25,2	17,5
1980	7,7	52,4	39,9	8,4	56,5	35,1	6,6	46,3	47,1
1990	4,7	42,2	53,1	5,0	44,4	50,6	4,0	37,2	58,8
2000	1,7	42,3	56,0	1,8	45,5	52,7	1,7	34,7	63,6
2005	1,2	49,6	49,2	1,1	50,6	48,3	1,3	47,7	51,0
2010	0,9	43,2	55,9	0,9	42,2	56,9	0,9	45,3	53,8
2015	0,8	37,1	62,1	0,8	36,5	62,7	0,9	38,7	60,4
2020	0,4	28,6	71,0	0,4	27,6	72,0	0,4	31,1	68,5
2022	0,5	28,4	71,1	0,5	27,8	71,7	0,6	29,9	69,5
Мужчины									
1930	74,2	12,9	12,9
1950	57,7	29,2	13,1
1980	7,6	68,2	24,2	8,2	69,4	22,4	6,6	66,2	27,2
1990	5,3	59,0	35,7	5,7	59,8	34,5	4,4	57,0	38,6
2000	1,6	55,9	42,5	1,7	59,2	39,1	1,6	47,6	50,8
2005	1,2	62,4	36,4	1,2	63,0	35,8	1,2	61,2	37,6
2010	0,9	56,4	42,7	1,0	54,9	44,1	0,9	59,4	39,7
2015	1,0	49,7	49,3	0,9	48,8	50,3	0,9	52,0	47,1
2020	0,5	38,6	60,9	0,5	37,6	61,9	0,4	41,3	58,3
2022	0,5	38,2	61,3	0,5	37,8	61,7	0,6	38,9	60,5
Женщины									
1930	70,3	13,8	15,9
1950	56,9	20,5	22,6
1980	7,8	31,9	60,3	8,7	37,2	54,1	6,5	25,4	68,1
1990	4,0	21,4	74,6	4,1	24,2	71,7	3,7	15,7	80,6
2000	1,9	24,2	73,9	1,9	26,6	71,5	1,8	19,1	79,1
2005	1,1	32,0	66,9	1,0	33,4	65,6	1,3	29,3	69,4
2010	0,8	26,3	72,9	0,8	26,6	72,6	0,9	25,6	73,5
2015	0,7	21,8	77,5	0,7	21,7	77,6	0,8	22,2	77,0
2020	0,3	17,0	82,7	0,3	16,4	83,3	0,4	18,7	80,9
2022	0,6	17,3	82,1	0,6	16,9	82,5	0,6	18,6	80,8

Примечание. ... - явление было, но сведения отсутствуют.

Источник: [22, с. 162].

Note. ... - there was a phenomenon, but there is no information.

Source: [22, p. 162].

- Игнатова, Н. М. Численность и воспроизводство населения Республики Коми во второй половине XIX-XX в.: Историко-демографические и историко-географические исследования Российского Севера. Вып. 1. / Н. М. Игнатова, Д. В. Вишнякова, А. П. Обедков, В. И. Силин. - Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2022. - 276 с.
- Жеребцов, И. Л. Основные этапы этнодемографического развития народа коми / И. Л. Жеребцов. - Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1995. - 20 с.
- Жеребцов, И. Л. Историография работ по демографии, экономике труда и социологии, выполненных на мате-

риалах Республики Коми и Севера России / И. Л. Жеребцов // Историческая демография. - 2017. - № 1. - С. 87-98.

- Фаузер, В. В. Население Российского Севера: проблемы воспроизводства / В. В. Фаузер // Север и рынок: формирование экономического порядка. - 2017. - № 3 (54). - С. 121-133.
- Фаузер, В. В. История развития демографических и социологических исследований в Республике Коми / В. В. Фаузер // Историческая демография. - 2019. - № 1. - С. 52-60.
- Фаузер, В. В. Динамика и уровень смертности населения Республики Коми / В. В. Фаузер // Здоровье, демография, экология финно-угорских народов. - 2010. - № 1. - С. 21-27.
- Фаузер, В. В. Продолжительность жизни и факторы убыли населения Республики Коми / В. В. Фаузер, Т. С. Лыткина, Г. Н. Фаузер, И. А. Матлах // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ (электронный журнал). - 2015. - № 3. - С. 134-150.
- Фаузер, В. В. История развития демографической науки: от теории к практике / В. В. Фаузер // Историческая демография. - 2017. - № 1. - С. 68-75.
- Фаузер, В. В. Динамика смертности и продолжительности жизни населения Республики Коми / В. В. Фаузер, Т. С. Лыткина, Г. Н. Фаузер, И. А. Панарина // Гуманитарные науки в Сибири. - 2018. - № 1. - С. 64-70.
- Попова, Л. А. Младенческая смертность: история, современные тенденции, региональная специфика / Л. А. Попова. - Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2010. - 32 с.
- Попова, Л. А. Динамика смертности российского населения от основных классов болезней экзогенной этиологии / Л. А. Попова // Известия Коми научного центра УрО РАН. - 2021. - № 2 (48). - С. 39-51.
- Лыткина, У. В. Естественное движение населения Коми АССР в 1946-1959 годах / У. В. Лыткина // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». - 2023. - № 8 (66). - С. 69-79.
- Вишневский, А. Г. Демографическая история и демографическая теория: курс лекций / А. Г. Вишневский. - Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. - 368 с.
- Фаузер, В. В. Смертность населения городских поселений Дальнего и Среднего Севера Республики Коми / В. В. Фаузер. - Сыктывкар, 2007. - 36 с. (Серия препринтов «Научные доклады по исторической демографии и исторической географии»; Вып. 5).

17. Арьес, Ф. Человек перед лицом смерти / Ф. Арьес; пер. с фр. В. К. Ронина; общ. ред. С. В. Оболенской; предисл. А. Я. Гуревича. – Москва : «Прогресс-Академия», 1992. – 528 с.
18. Дробышевский, С. В. Байки из грота: 50 историй из жизни древних людей / С. В. Дробышевский. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2021. – 455 с.
19. До 120 и старше // Московский комсомолец. – 15 ноября 2023. – С. 13. – URL: https://pressa.ru/files/issue/private/mk-moskovskij-komsomolets/2023/213-2023/raw_issue/mk-moskovskij-komsomolets-2023-213-2023.pdf (дата обращения: 05.02.2024).
20. Гильен, М. 2030: Как современные тренды влияют друг на друга и на наше будущее / М. Гильен. – Москва : Альпина Паблишер, 2022. – 394 с.
21. Руководство по кодированию причин смерти / Э. И. Погорелова, Е. М. Секриеру, Д. Ш. Вайсан, В. В. Антонюк. – Москва : ЦНИИОИЗ, 2008. – 74 с.
22. Фаузер, В. В. Республика Коми на рубеже веков: демография, миграция, расселение // В. В. Фаузер. – Ижевск : ООО «Принт», 2023. – 308 с. (Б-ка демографа; Вып. 22).
23. Фаузер, В. В. Государственное управление миграцией населения: от принуждения к поощрению / В. В. Фаузер, Т. С. Лыткина, Г. Н. Фаузер // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ. – 2015. – № 3. – С. 151–168.
24. Демографический ежегодник Республики Коми. 2023: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2023. – 156 с.
25. Урланис, Б. Ц. История одного поколения: (Социально-демогр. очерк) / Б. Ц. Урланис. – Москва : Мысль, 1968. – 269 с.
1. Podoplelov, V. V. Naselenie Komi ASSR [Population of the Komi ASSR] / V. V. Podoplelov, V. V. Fauzer, G. V. Zagainova. – Syktyvkar, 1990. – 20 p. (Series of preprints “Scientific reports”; Issue 231).
2. Vishnyakova, D. V. Etnodemograficheskie protsessy v Komi krae v XIX – nachale XX v. [Ethnodemographic processes in the Komi region in the XIX – early XX centuries] / D. V. Vishnyakova; Ed. I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar, 2012. – 162 p.
3. Ignatova, N. M. Chislennost i vosproizvodstvo naseleniya Respubliki Komi vo vtoroi polovine XIX–XX v.: Istoriko-demograficheskie i istoriko-geograficheskie issledovaniya rossiiskogo Severa [Number and reproduction of the population of the Komi Republic in the second half of the XIX–XX centuries: Historical-demographic and historical-geographical studies of the Russian North]. Vol. 1. / N. M. Ignatova, D. V. Vishnyakova, A. P. Obedkov, V. I. Silin. – Syktyvkar: Federal Research Centre Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2022. – 276 p.
4. Zherebtsov, I. L. Osnovnye etapy etnodemograficheskogo razvitiya naroda komi [The main stages of the ethnographic development of the Komi people] / I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 1995. – 20 p.
5. Zherebtsov, I. L. Istoriografiya rabot po demografii, ekonomike truda i sotsiologii, vypolnennykh na materialakh Respubliki Komi i Severa Rossii [Historiography of works on demography, labor economics and sociology, carried out on materials of the Komi Republic and the North of Russia] / I. L. Zherebtsov // Istoricheskaya demografiya [Historical demography]. – 2017. – № 1. – P. 87–98.
6. Fauzer, V. V. Naselenie rossiiskogo Severa: problemy vosproizvodstva [Population of the Russian North: problems of reproduction] / V. V. Fauzer // Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka [The North and the market: formation of an economic order]. – 2017. – № 3 (54). – P. 121–133.
7. Fauzer, V. V. Istoriya razvitiya demograficheskikh i sotsiologicheskikh issledovaniy v Respublike Komi [History of the development of demographic and sociological research in the Komi Republic] / V. V. Fauzer // Istoricheskaya demografiya [Historical demography]. – 2019. – № 1. – P. 52–60.
8. Fauzer, V. V. Dinamika i uroven smertnosti naseleniya Respubliki Komi [Dynamics and mortality rate of the population of the Komi Republic] / V. V. Fauzer // Zdorove, demografiya, ekologiya finno-ugorskikh narodov [Health, demography, ecology of the Finno-Ugric peoples]. – 2010. – № 1. – P. 21–27.
9. Fauzer, V. V. Prodolzhitel'nost zhizni i faktory ubyli naseleniya Respubliki Komi [Life expectancy and population decline factors in the Komi Republic] / V. V. Fauzer, T. S. Lytkina, G. N. Fauzer, I. A. Matlakh // Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa [Corporate governance and innovative development of the economy of the North]: Bull. of the Sci. Research Center Corporate governance and innovative development of the economy of the North of Syktyvkar State Univ. – 2015. – № 3. – P. 134–150.
10. Fauzer, V. V. Istoriya razvitiya demograficheskoi nauki: ot teorii k praktike [History of the development of demographic science: from theory to practice] / V. V. Fauzer // Istoricheskaya demografiya [Historical demography]. – 2017. – № 1. – P. 68–75.
11. Fauzer, V. V. Dinamika smertnosti i prodolzhitel'nosti zhizni naseleniya Respubliki Komi [Dynamics of mortality and life expectancy of the population of the Komi Republic] / V. V. Fauzer, T. S. Lytkina, G. N. Fauzer, I. A. Panarina // Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]. – 2018. – № 1. – P. 64–70.
12. Popova, L. A. Mladencheskaya smertnost: istoriya, sovremennye tendentsii, regionalnaya spetsifika [Infant mortality: history, current trends, regional specifics] / L. A. Popova. – Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2010. – 32 p.
13. Popova, L. A. Dinamika smertnosti rossiiskogo naseleniya ot osnovnykh klassov boleznei ekzogennoi etiologii [Dy-

- namics of mortality of the Russian population from the main classes of diseases of exogenous etiology] / L. A. Popova // Proc. of the Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS. – 2021. – № 2 (48). – P. 39–51.
14. Lytkina, U. V. Estestvennoe dvizhenie naseleniya Komi ASSR v 1946-1959 godakh [Natural movement of the population of the Komi ASSR in 1946-1959] / U. V. Lytkina // Proc. of the Komi Science Centre. Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical Demography". – 2023. – № 8 (66). – P. 69–79.
 15. Vishnevsky, A. G. Demograficheskaya istoriya i demograficheskaya teoriya: kurs lektsii [Demographic history and demographic theory: a course of lectures] / A. G. Vishnevsky. – Moscow : [Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki] House of the Higher School of Economics Publ., 2019. – 368 p.
 16. Fauzer, V. V. Smertnost naseleniya gorodskikh poselenii Dalnego i Srednego Severa Respubliki Komi [Mortality of the population of urban settlements of the Far and Middle North of the Komi Republic] / V. V. Fauzer. – Syktyvkar, 2007. – 36 p. (Series of preprints "Scientific reports on historical demography and historical geography"; Issue 5).
 17. Aries, F. Chelovek pered litsom smerti [Man in the face of death] / F. Aries; Ed. S. V. Obolenskaya; Preface A. Ya. Gurevich. – Moscow: Progress-Akademiya, 1992. – 528 p.
 18. Drobyshevsky, S. V. Baiki iz grotta: 50 istorii iz zhizni drevnikh lyudei [Tales from the grotto: 50 stories from the life of ancient people] / S. V. Drobyshevsky. – Moscow: Alpina non-fiction, 2021. – 455 p.
 19. Do 120 i starshe [Up to 120 and older] // Moskovsky Komsomolets. – November 15, 2023. – P. 13 – URL: https://pressa.ru/files/issue/private/mk-moskovskij-komsomlets/2023/213-2023/raw_issue/mk-moskovskij-komsomlets-2023-213-2023.pdf (accessed: 05.02.2024).
 20. Guillen, M. 2030: Kak sovremennyye trendy vliyayut drug na druga i na nashe budushchee [How modern trends influence each other and our future] / M. Guillen. – Moscow: Alpina Publisher, 2022. – 394 p.
 21. Rukovodstvo po kodirovaniyu prichin smerti [Guidelines for coding causes of death] / E. I. Pogorelova, E. M. Sekrieru, D. Sh. Vaisan, V. V. Antonyuk. – Moscow: Central Research Institute of Organization and Informatization of the Ministry of Health of the Russian Federation, 2008. – 74 p.
 22. Fauzer, V. V. Respublika Komi na rubezhe vekov: demografiya, migratsiya, rasselenie [The Komi Republic at the turn of the century: demography, migration, settlement] // V. V. Fauzer. – Izhevsk: Print LLC, 2023. – 308 p. (Demographer's library; Issue 22).
 23. Fauzer, V. V. Gosudarstvennoe upravlenie migratsiei naseleniya: ot prinuzhdeniya k pooshchreniyu [State management of population migration: from coercion to encouragement] / V. V. Fauzer, T. S. Lytkina, G. N. Fauzer // Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa [Corporate governance and innovative development of the economy of the North]: Bull. of the Sci. Research Center Corporate governance and innovative development of the economy of the North of Syktyvkar State Univ. – 2015. – № 3. – P. 151–168.
 24. Demograficheskii ezhegodnik Respubliki Komi [Demographic yearbook of the Komi Republic]. 2023: statistical compilation / Komistat. – Syktyvkar, 2023. – 156 p.
 25. Urlanis, B. Ts. Istoriya odnogo pokoleniya: (Sotsialno-demogr. ocherk) [History of one generation: (Social-demographic essay)] / B. Ts. Urlanis. – Moscow: Mysl' [Thought], 1968. – 269 p.

Благодарность (госзадание)

Статья подготовлена в рамках НИР «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста» (номер государственной регистрации 122012700169-9, 2022-2024 гг.).

Acknowledgements (state task)

The paper was prepared within the framework of the research project "Human resources of the northern regions of Russia: development potential or limitation of economic growth" (No. GR 122012700169-9, 2022-2024).

Информация об авторе:

Фаузер Виктор Вильгельмович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий лабораторией демографии и социального управления Института социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН; заслуженный деятель науки Российской Федерации; <https://orcid.org/0000-0002-8901-4817> (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru, <https://vvfauzer.ru/>).

Author:

Viktor V. Fauzer – Dr. Sci. (Economy), Prof., Chief Researcher, Head of the Laboratory of Demography and Social Management, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS; Scopus Author ID: 57190415976, <https://orcid.org/0000-0002-8901-4817> (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 1676982, Russian Federation; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru, <https://vvfauzer.ru/>).

Для цитирования:

Фаузер, В. В. Смертность населения Республики Коми: исторический подход / В. В. Фаузер // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 2 (68). – С. 80–88.

For citation:

Fauzer, V. V. Mortality of the population of the Komi Republic: a historical approach / V. V. Fauzer // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «Historical demography». – 2024. – No. 2 (68). – P. 80–88.

Дата поступления рукописи: 26.02.2024

Прошла рецензирование: 12.05.2024

Принято решение о публикации: 15.05.2024

Received: 26.02.2024

Reviewed: 12.05.2024

Accepted: 15.05.2024